

В тесной каморке слишком маленького дома Артур и Молли Уизли держали на руках новорожденную девочку, а вокруг них бегали десятилетний Билл, восьмилетний Чарли, четырехлетний Перси («Через одиннадцать дней мне будет пять!»), трехлетние Фред и Джордж («Смотри, мама! Гномы загораются!») и младший сын Рон, которому было уже больше восемнадцати месяцев, но он все еще не делал первые шаги. В данный момент его держал на руках старший брат Билл, пытаясь съесть его ногу.

У Артура под глазами были темные кольца - свидетельство не только финансового давления, связанного с необходимостью содержать семерых детей, но и дополнительной нагрузки от работы в барахтающемся Министерстве и второй должности члена Ордена Феникса.

Но это было ничто по сравнению с изможденным, изможденным видом Молли Уизли, которая всего десять лет назад была молодой, бойкой, пышногрудой девушкой, привлекавшей внимание почти половины своего класса. Теперь же семь родов добавили к ее и без того нескладным бедрам постоянный обхват, а лицу - кольца и морщины. Смерть братьев разбила ей сердце, и она постоянно боялась за свою семью.

Афродита, глядя на хаос, царивший в доме Уизли, поклялась, что у них с Адонисом никогда, никогда не будет детей. Она абсолютно презирала этих мерзких маленьких гаденышей.

«Доркас, как хорошо, что ты пришла», - сказал Артур. «Пожалуйста, присаживайтесь. О, да.» Он понял, что присесть негде, и с помощью слабых отбрасывающих чар убрал шаткий деревянный стул. «Вы, конечно, знакомы с Молли. И мы имеем честь представить вам нашу дочь, Джинэвра Молли Уизли».

«Седьмой ребенок?» сказала Афродита. Ей никогда не нравилось ее родное имя Доркас Медоуз, и она не думала о себе ни под каким другим именем, кроме того, которое было дано ей Контролем.

«Да, это так», - сказал Артур. «Почему-то я был почти уверен, что у меня будет седьмой сын».

«Ты ведь и сам седьмой сын, не так ли?» спросила Афродита.

«Действительно. Конечно, мои братья и сестры... ну, вы знаете».

Она действительно знала. Большинство братьев Артура Уизли были Сквибами или умерли молодыми. Он потерял трех братьев во время вспышки драконьей оспы в конце пятидесятых. Тем не менее, седьмой ребенок седьмого ребенка, мальчик или девочка, был арифмантически значимым. Тот факт, что ребенок стал первой девочкой, родившейся в семье Уизли за последние три поколения, также был весьма значимым.

«Что ж, тогда давайте посмотрим». Она достала прибор Милтвентора и активировала его взмахом своей палочки. Все дети прекратили свою кампанию ужаса, чтобы посмотреть, как розовый столбик начал подниматься. Афродита сразу же увидела, что столбик уже перевалил

за девяностый процентиль.

Она подбросила фальшивую шкалу, так как Уизли не имели права видеть шкалы выше 99-го процентилья. Сама Афродита имела 99,2 - самый высокий показатель среди всех членов ее семьи. Но этот ребёнок... хотя Уизли видели совсем другие цифры, то, что увидела Афродита, было поистине поразительно. Наконец столбец остановился на отметке 99,7. Джинни Молли Уизли была одной из самых могущественных ведьм, родившихся за последнее столетие.

«Вы только посмотрите!» сказал Артур.

Афродита моргнула, пытаясь скрыть свой шок.

«Да, весьма впечатляюще», - сумела сказать она.

«Я скажу. Смотри, Билл, она прямо на тебя равняется!»

«Что значит 75-й?» спросил Билл.

«Это значит, что вы с Джинни входите в четверть лучших по магическому потенциалу во всем волшебном мире», - объяснила Афродита красивому мальчику.

«Круто», - кивнул Билл. «Тогда мне лучше позаботиться о ней».

«Да», - согласилась Афродита. «Тебе лучше».

~~Невыразимо~~

~~Невыразимое~~

Йорк, 31 октября 1981 года

Альбусу Дамблдору нравилось, как звучит его собственный голос.

Афродита пыталась скрыть свое нетерпение, пока старый волшебник бессвязно рассказывал о мотивах и вербовке Волан-де-Морта. Хотя она должна была признать, что его интеллект был на удивление хорош, но на объяснение тактической ситуации у него ушло в пять раз больше времени, чем требовалось. Она могла бы выразить это двумя словами: Нехорошо.

Миллисент Багнолд стала министром только после того, как ее предшественник, Огастус Руквуд, был убит посреди Косой Переулок собственной дочерью-подростком, действовавшей под действием проклятия Империсуса. Она покончила с собой вскоре после этого, когда поняла,

что натворила.

Дамблдор сообщил им, что Багнолд оказалась не слишком склонна к предложениям и сотрудничеству с Орденом, хотя, по крайней мере, согласилась не пытаться арестовывать членов Ордена.

Афродита, конечно же, знала, что Багнольд, бывший Невыразимец и лицензированный барристер, отвечавший за начальное обучение Контроля, был прекрасно осведомлен об ошибках, допущенных главным магом в его собственном крестовом походе против Волан-де-Морта. Единственное, что удерживало убийц из Министерства на расстоянии, - это тот факт, что Альбус Дамблдор по-прежнему оставался необычайно сильным волшебником.

Она перевела взгляд с директора на других членов Ордена. Как и в последнее время, Гелиос и Селена отсутствовали. Однако Сириус Блэк был там со своей последней девушкой, женщиной по имени Септима, которая отвечала требованиям привлекательности, но казалась слишком умной для обычных женщин Блэка. Учитывая историю его отношений с умными женщинами - например, его годичный фиаско с Амелией Боунс, - она сомневалась, что он захочет попробовать еще раз.

Римус Люпин сидел неподалеку и внимательно слушал. Между ними сидел Питер Петтигрю. Афродита уже собиралась продолжить осмотр остальных участников, когда заметила что-то странное в выражении лица невысокого мужчины. Директор рассказывал о том, как Волан-де-Морт вербует людей за границей. Когда старый волшебник произнес имя Волан-де-Морта, правый глаз Петтигрю дернулся. Если бы не тот факт, что Дамблдор был единственным человеком, который мог позволить себе пренебречь табу, она бы никогда этого не заметила.

<http://tl.rulate.ru/book/124312/5226459>